

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.

Могучее, все нивелирующее время — оно разметаёт горы въ пыль, заноситъ песками гордыя памятники фараоновъ и покрываетъ толстой корой снѣга и льда тѣ равнины, гдѣ раньше росли пальмы и гигантскіе папоротники. Оно слотило бродячія шайки авантюристовъ въ мощныя государства, уничтожило безслѣдно цѣлыя націи, оно все измѣняетъ, вѣчно творитъ и уничтожаетъ, и только вкусы людей остаются какъ-бы внѣ сферы его вліянія.

Это особенно рѣзко бросается въ глаза въ наше время, когда нѣтъ разнообразія жизни, и слишкомъ разнообразны развлеченія людей. Именно въ сферѣ развлеченій чело-вѣкъ до смѣшного консервативенъ, бѣденъ фантазіей и какъ-бы не поддается времени и его движенію.

Не такъ давно у насъ въ отдѣлѣ смѣси сообщалось объ ужасномъ развлеченіи высшихъ классовъ Лондона — леди и джентльмены смотрятъ, какъ на веревкѣ, болтающейся въ воздухѣ сажень на десять отъ земли виситъ чело-вѣкъ, рискуя каждый данный моментъ сорваться съ веревки и разбиться о землю. Это развлеченіе со всѣмъ не ново — еще императоръ Домиціанъ практиковалъ его съ плѣнными батавами и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ утомленный варваръ выпускалъ изъ отекшихъ рукъ веревку и летѣлъ внизъ на копы, воткнутыя въ землю.

Парижскій „Кабачекъ смерти“ тоже, оказывается, не можетъ претендовать на оригинальность; точь-въ-точь такая-же бравада надъ смертью имѣла мѣсто въ одномъ изъ луданаріевъ Рима во времена Клавдія, и почти то-же самое показывалось въ Толедо, въ царствованіе Филиппа Красиваго.

Въ прошломъ году, претендуя на оригинальность, Флоренція устроила у себя „праздникъ смерти“. По улицамъ города двигалась колесница, запряженная скелетами быковъ *) На ней возсѣдала въ черномъ бархатѣ, съ серебряными блестками смерть съ косою въ рукѣ. За колесницей ѣхали скелеты людей верхомъ на скелетахъ лошадей, шли трупы полуразложившіеся и еще свѣжіе. Надъ этой процессіей носился запахъ гніенія. На перекресткахъ, по пути ея, раскрывались могилы, изъ нихъ выходили трупы, пѣли заупо-

*) На быкахъ были надѣты папоны съ рисункомъ скелета.

койные псалмы и снова опрокидывались въ могилы или присоединялись къ колесницѣ смерти и съ унылымъ пѣніемъ шли за ней.

Флоренція осталась довольна этимъ зрѣлищемъ и постановила выдать устроившему его художнику Піетро ди Козимо 30,000 лиръ. Не стоило, ибо идея эта не нова. Такое зрѣлище показывалъ уже польскій магнатъ Казиміръ Рохъ Замоѣ Генриху Анжу—французскому принцу, и еще много раньше, въ XI вѣкѣ рыцари ордена Госпиталя устроили такое-же шествіе вокругъ стѣнъ одного изъ городовъ іерусалимскаго королевства...

Какъ-бы не оригинальничалъ человѣкъ—увы!—ему, должно быть, не суждено еще обновить свои развлеченія и всеми своими попытками создать въ этой сферѣ что-либо новое—онъ только свидѣтельствуетъ о пониженіи вкуса къ изящному, о скудѣ фантазіи и еще о чемъ-то болѣзненномъ и мрачномъ, о чемъ-то мистическомъ и жестокомъ, заразившемъ его, и все болѣе заражающемъ.

Древніе тоже страдали этой болѣзнью, но она не подавляла въ нихъ чувства изящнаго, и Нерону, душившему своихъ гостей цвѣтами, вы не откажете въ этомъ чувствѣ, какъ нельзя отказать въ немъ и Борджіямъ, устраивавшимъ свои развратныя и кровавыя обѣды съ шикомъ и со вкусомъ. Нынѣ грубѣе осталось, принявъ еще болѣе грубыя формы, а изящное исчезло. Вспомните американскія пьесы, въ которыхъ злодѣй привязываетъ своего добродѣтельнаго врача къ лѣсопильному станку, откуда его освобождаютъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда настоящая стальная пила готова разрѣзать его тѣло. Вспомните о борьбѣ—спортѣ, такъ развившемся въ наши дни и не представляющемъ изъ себя ничего красиваго, а лишь одно грубо-животное; вспомните о людяхъ, на головахъ которыхъ разбиваютъ молотомъ камни, о людяхъ гуляющихъ босыми ногами по остіямъ гвоздей, о глотающихъ горящую паклю, зонтики и шпаги, о людяхъ, кушающихъ резиновыя калоши и запивающихъ ихъ пылающимъ керосиномъ и о массѣ другой рубѣйшей чепухи, служащей любимымъ развлеченіемъ массъ.

Во всемъ этомъ незамѣтно никакой эволюціи къ лучшему, всему этому испоконъ вѣка аплодируютъ и все это отъ сѣдой стараны и до нашего времени не измѣняетъ своихъ уродливыхъ формъ. Консерватизмъ эстетическаго вкуса массы ямѣтенъ всего яснѣе на томъ фактѣ, что батальная картина, какъ бы она ни была грубо написана, всегда привлечетъ вниманіе массы болѣе, чѣмъ всякая другая. Поставьте для опыта пейзажъ Клода Бернара, мое Айвазовскаго, мистическую картину Ге, пѣотно Рубенса, и Ванъ-Дейка, Семирадскаго и еще полотна другихъ обще-признанныхъ талантовъ, самыя разнообразныя полотна—акъ нимъ, гдѣ-нибудь съ боку, приткните „Схватку“ Васнецова—и повѣрте, публика предпочтетъ послѣднюю всемъ шедеврамъ вокругъ нея.

Она любить кровь, — она всегда любила смотреть, как травили людей звѣрями, как их избивали, жгли, сдирали съ живыхъ кожу и мучили всеми муками. Она и теперь съ удовольствіемъ посмотрѣла бы на все это — пиджакъ и брюки, сививъ хламиду и тунику, не перевоспитали человѣческой души. Но въкъ XIX-й — въкъ лицемерный, въкъ изощренной лжи и всяческаго притворства — и травля людей звѣрями нынѣ публично невозможна. Это можно устроить только частнымъ образомъ, гдѣ нибудь въ глухомъ парке. Травля людей запрещена, но любовь къ этому рода забавѣ еще осталась у публики, принявъ нѣсколько иныхъ формы въ видѣ, напримѣръ, представленія укротителей звѣрей. Въ данное время въ циркъ Никитиныхъ ежедневно выступаетъ въ роли укротительницы красивая и отчаянно смѣлая мlle Маргарита, — фигура, точно ушедшая съ картины Дорэ „Красота, побѣждающая силу“. Она продѣлываетъ съ четырьмя львами рядъ отчаянныхъ волюцій включительно до вкладыванія въ пасть льва своей головы. Громадные мощные звѣри слушаются ея хлыста, но достаточно одного движенія челюстей льва и на мѣстѣ красивой женщины ляжетъ трупъ съ разможенной головой. Потомъ она, совершенно безоружная, танцуетъ среди львъ серпантинъ — это очень пикантно и щекочетъ нервы публики до изступленія. Нужно видѣть цирковую публику въ моментъ, когда артистка кладетъ свою голову въ могучую пасть царя звѣрей, публика замираетъ, молчитъ, не дышетъ, ждетъ... Каждую секунду можетъ брызнуть на нее кровь и изгѣ женщины, и раздастся трескъ черепа, разламываемаго зубами звѣря. Какое ощущеніе!

Положимъ, львы Маргариты очень смиренны и тощи, но все же это львы, и съ ними опасно шутить. А публика нравятся эти шутки, ей пріятно видѣть, какъ за ея двугривенный человѣкъ рискуетъ жизнью.

Глядя на нее — вспоминаются слова знаменитаго укротителя звѣрей, итальянца Упилио Файмали, жившаго въ XVIII въкѣ и оставившаго послѣ себя интересные мемуары. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ мемуаровъ:

— Звѣри совсѣмъ не дрессированные, — публика не особенно благоволила къ звѣрямъ, если они дрессированы хорошо и слушаются укротителя безъ гнѣва, публика правится рискъ и чѣмъ его больше, тѣмъ ей пріятнѣе, она любитъ возможность драмы, и ей нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ усилій человѣка, которыя онъ употребилъ на побѣду инстинкта тигровъ и львовъ“.

Какъ видите Файмали хорошо зналъ публику. Кстати о циркѣ. Возникшій ранѣе театра, онъ и до нашихъ дней продолжаетъ существовать въ тѣхъ-же формахъ, въ какихъ существовалъ въ древнемъ Римѣ и — по свидѣтельству венеціанца Марко Поло, путешественника XV вѣка — въ Китаѣ.

Тѣ же наѣздники, жонглеры, эквилибристы, акробаты, которыхъ персидскій сатрапъ Гнозій любилъ сбивать съ трапціи, бросая въ нихъ дротиками — подвизаются на аренахъ цирковъ и въ наши дни, уазывая на медленность эволюціи, эстетики и морали въ массѣ, въ публикѣ. Посмотрите, напримѣръ, у Никитиныхъ на упражненія артиста Степанова. Онъ строитъ пяти аженную башню и вмѣстѣ съ ней падаетъ въ землю, рискуя переломить себѣ позвонки о барьеръ арены. Публика хлопаётъ ему, хотя эти упражненія некрасивы, тяжелы, опасны. Хлопаютъ именно за опасность — падаетъ человѣкъ съ такой высоты и... и навѣрное въ скоромъ времени свернетъ себѣ шею.

Я двадцать лѣтъ наблюдаю циркъ и его публику и въ этомъ году вижу то-же самое, что видѣлъ двадцать лѣтъ назадъ. Та-же самая жадная до опасностей публика, съ трепетомъ наслажденія слѣдящая, какъ человѣкъ ради ея одобренія и пяточка изломалъ себѣ кости и растянулъ сухожилія.

Артисты знаютъ ея вкусы и все болѣе изощряются въ придумываніи новыхъ деталей къ старымъ упражненіямъ. Уже не только укрощаютъ звѣрей, а пляшутъ среди нихъ, уже не только влѣзаютъ на трапеціи, а становятся лѣстницу перпендикулярно и балансируя ее своимъ тѣломъ, взбираются на ея верхнюю ступень и тамъ жонглируютъ и иг-

рають. Малѣйшее невѣрное движеніе корпуса и лѣстница съ артистомъ грохнется на землю, артистъ „отшибетъ себѣ печенки“; въ сладкомъ ужасѣ публика вскрикнетъ и... на другой день снова пойдетъ въ циркъ. Можетъ быть, и въ этотъ вечеръ кто нибудь разобьется: не нужно упускать случая посмотрѣть на такую любопытную вещь.

Да, публика замѣчательно консервативна въ своихъ вкусахъ, и свидѣтельствъ въ пользу этого болѣе чѣмъ много даетъ жизнь.

Развлеченій разумныхъ, поучающихъ, воспитывающихъ умъ и душу—нѣтъ. А они могли-бы быть. Но на нихъ нѣтъ спроса и ихъ не предлагаютъ. И народной аудиторіей служить циркъ, развивающій въ публикѣ туподушіе и черствость—качества, совершенно не требующія дальнѣйшаго развитія въ виду ихъ полной законченности.

М. Г—ій.